

ОСВАЛД ДИ АНДРАДИ

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ
МЕМУАРЫ
ЖУАНА МИРАМАРА

18+

Освалд ди Андради Сентиментальные мемуары Жуана Мирамара

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74516911

Сентиментальные мемуары Жуана Мирамара / Освалд ди Андради ;

пер. с порт.: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2026

ISBN 978-5-908105-02-6

Аннотация

«Сентиментальные мемуары Жуана Мирамара» (1924) – первый бразильский модернистский роман, или, как книгу окрестил сам автор Освалд ди Андради (1890-1954), – «изобретение», где стиль определяется его отсутствием. Текст балансирует между прозой и поэзией, автобиографией и вымыслом, серьезностью и комичностью. Путешествия главного героя, его интрижки и забавные истории происходят на фоне больших мировых событий. Язык ди Андради густой и насыщенный: Жуан Мирамар то грохочет почти футуристической «заумью», то бубнит высокопарными учеными речами. Он беспечный бонвиван, но его глазами читатель видит Бразилию с разных сторон: Бразилию богатую, Бразилию социального и культурного неравенства, Бразилию, запутавшуюся в поисках собственной идентичности.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступление переводчика	8
Вергилий и немножко нервно	8
Ставьте лайк, подписывайтесь на Мирамара	10
Картинки с текстом	11
От оперы до фокстрота: что слушать и как танцевать, читая эту книгу	13
Сентиментальные мемуары Жуана Мирамара	20
Попытка предисловия	20
1 Pensieroso[10]	25
2 Эдем	26
3 Станция бесконечность	27
4 Те кто ворует детей	28
5 Опасность оружия	29
6 Мария да Глория[14]	30
7 Счастье	31
8 Во фраке атеиста	32
9 Печенье «Мария»	33
10 Крутой вираж	34
11 Школа	35
12 Город рембо	36
13 Переезд	37
14 Кузен	38
15 Советы	39

16 Институт ядовитых девиц Бутантан	40
17 Вот, к примеру	41
18 Хроника	42
19 Велосипед Онана	43
20 Сенсационный разворот	44
21 Клака	45
22 Масонство	46
23 Хиромантия	47
24 Гильотина	48
25 Друг семьи	49
26 Александр Великий	50
27 Каникулы	51
28 Уплывающий порт	52
29 Утро в Рио	53
30 Каботаж	54
31 Новые широты	55
32 Рола	56
33 Парусник	57
34 Тенерифе	58
35 Суша	59
36 Hotel de Russie	60
37 Мадо для начала	61
38 Параллельно	62
39 Пиво	63
40 Отбивная по-милански	64
41 Ватикан	65

42 Сорренто	67
43 Венеция	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Освалд ди Андради Сентиментальные мемуары Жуана Мирамара

Oswald de Andrade

Memórias sentimentais de João Miramar

Перевод *Владимира Култыгина*

под общей редакцией *Екатерины Хованович*

Предисловие – *Владимир Култыгин*

Дизайн – *София Еристави, ABCdesign*

*Ad***M***arginem*

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Вступление переводчика

Вергилий и немножко нервно

1923 год, побережье Лигурийского моря, городок Сестри-Леванте недалеко от Генуи, где когда-то давно родился открывший Америку Христофор Колумб... Красивый, тридцатитрехлетний Освалд ди Андради остановился в отеле «Мирамаре». Возраст Христа, пора собирать учеников, как скажет еще примерно через двадцать-тридцать лет в Гданьске некий выдуманный мальчик Оскар, который никогда не вырастет.

Пока что Освалд собрал своего сына Нонэ (полное имя Жозе Освалд Антониу) – точнее, забрал его на каникулы. Еще в Сан-Паулу он через суд добился признания за ним отцовских прав на десятилетнего уже сына и совсем скоро запишет его в частный швейцарский коллеж. Мать Нонэ, француженка Анриэтта Дениза Буфле (Освалд называл ее ласково Камья; годы жизни ее неизвестны: увы, такая судьба в то время часто ждала супруг великих артистов), стала первой из бывших жен писателя: еще в 1913 году, вскоре после родов, она обнаружила, что ее благоверный совсем не понимает, что такое моногамия; развод состоялся сразу же, но Камья еще три года вынуждена была жить под одной крышей с

бывшим мужем, прежде чем окончательно переехать.

Неугомонный Освалд очень любит путешествовать по миру. Родную Бразилию он тоже любит, но Европа увлекательнее: она манила его такими же захватывающими секретами, какими Колумба манила будущая Америка. Освалд вообще много чего любит; сын состоятельных родителей, он с ранних лет вел жизнь бонвивана. Впрочем, не будем путать бонвиванство с обломовщиной: наш Освалд – человек отважный и по-своему работающий. Учеников он тоже уже начал собирать; еще год, и он создаст собственное литературное направление «пау-бразил» (этот термин сложно перевести; pau-brasil – это фернамбук, или цезальпиния ежовая, ценное дерево, эндемик и символ Бразилии). Поэзия пау-бразил – это «бразильская поэзия на экспорт» и для внутреннего потребления вместо полуфабрикатов из Европы.

А Мирамар – это, как мы уже поняли, бразильский Колумб, который первооткрывает Европу.

Ставьте лайк, подписывайтесь на Мирамара

Если мы попытаемся составить краткую биографию Освальда ди Андради, то, скорее всего, в какой-то момент найдем множество параллелей с «кусочками жизни» Жуана Мирамара. Вот Мирамар идет в школу, где приобщается к антиклерикальным идеям. Вот он отплывает в путешествие по Европе (которое мы с сегодняшней перспективы назвали бы «евротуром»). Вот в разгар веселья он получает телеграмму о смерти матери. Вот он женится и строит семейное гнездышко. Вот он встретил юную актрису, подающую надежды кинематографу и ему самому. Вот об интрижке узнаёт законная жена, и всё рушится. Вот жена подает на развод, а бизнес, в который вложились Мирамар с актрисой, терпит крах. Вот грядет банкротство. Вот друг, который познаётся в беде...

Всё это было в жизни Освальда.

Но это не автобиографический роман. Что же тогда?

А вот для ответа на этот вопрос нам нужно еще немножко места. Но не бойся, читатель: он всё равно будет краток.

Картинки с текстом

С юных лет и молодых ногтей Жозе Освалд ди Соуза ди Андради (это полное имя писателя, а вот, энциклопедичности для, его годы жизни: 1890–1954) любил читать и создавать истории. В восемнадцать лет он начал работать журналистом в газете *Diário Popular*, откуда вскоре ушел, чтобы основать собственное сатирическое издание – газету *O Pirralho* (1911–1917, название можно примерно перевести как «Шкет» или «Мальчуган»). Освалд недолюбливал выспренный стиль главенствовавшей в Бразилии парнасской школы (ярчайшим представителем которой являлся Олаву Билак, 1865–1918), ему – как и многим другим – хотелось, чтобы литература заговорила с читателем живым языком. Годом ранее (в феврале 1922-го) его единомышленники доказали, что это возможно, проведя несколько читок на Неделе современного искусства в Сан-Паулу. Неделя стала бразильской «Пощечиной общественному вкусу», а бразильский модернизм – во многом благодаря Освалду, который с мая 1922 по январь 1923 года выпускал модернистский журнал *Klaxon*, – по своему значению можно сравнить с русским футуризмом, ЛЕФом и ОБЭРИУ вместе взятыми.

Итак, «литература, которая говорит с читателем живым языком». Бла-бла-бла. Читатель, каким языком говорит с тобой это предисловие? Ничего, оно уже скоро закончится, и

можно будет окунуться в собственно книгу.

Чтобы говорить живым языком, книга должна говорить о жизни. Живой жизни – живой язык. Освалд ди Андради создает «Сентиментальные воспоминания Жуана Мирамара» буквально из самого себя. Ему не нужно ничего придумывать, это живая жизнь в собственном соку.

А язык? С языком трудненько.

Возможно, тебе, читатель, придется вспомнить Велимира Хлебникова или раннего, дозаумного Алексея Кручёных. Так уж живет язык у Освалда ди Андради: иногда он делает относительно безобидные пируэты в виде превращения существительного в глагол, а иногда совершает чудеса на выражах и подпрыгивает в тройном тулупе с разворотом. Впрочем, картина остается картиной, даже если сначала она напоминает оптическую иллюзию.

Испугал? Тогда вот картинка для привлечения внимания: лаконичные, но меткие воспоминания Жуана Мирамара можно читать как ленту или историю постов в какой-нибудь социальной сети. Добавить фоточку – и пост готов. С «фоточками» проблем не будет: проза Освалда очень красочна, и представить себе иллюстрацию совсем нетрудно.

А вот музыкальные предпочтения за сто с лишним лет изменились. Поэтому последний этап предисловия – это плейлист Жуана Мирамара.

От оперы до фокстрота: что слушать и как танцевать, читая эту книгу

Это не алфавитный указатель и не глоссарий. Все представленные ниже имена и названия перечислены в том же порядке, в котором они встречаются на страницах книги. Более или менее очевидные вещи (Шопен и Моцарт, например), пожалуй, не требуют дополнительных пояснений.

Если считать Жуана Мирамара вымышленным двойником автора, то можно предположить, что первое путешествие в Европу он совершил примерно в 1913 году (хотя скорее всего, в романе читателю показана амальгама из нескольких реальных поездок Освалда ди Андради). В то время по миру гремела **«Долларовая принцесса»** («Die Dollarprinzessin»), оперетта австрийского композитора Лео Фалля. Ее слушает Мирамар в главе 21. «Долларовая принцесса» – это Элис, дочь американского мультимиллиардера Джона Кудера, который ищет себе богатую невесту из числа европейской знати, и чтобы титул был не меньше графини. «Графиня» на поверку оказывается русской танцовщицей Ольгой; Элис тем временем питает смутные чувства к подчиненному отца, Фреди, который оказывается реальным представителем европейской знати...

Матчиш (порт. *maxixe*, читается «машийши») – бразильский танец, культурный предшественник самбы. Быстрый и

чувственный, эротический, как танго (партнеры, как правило, находятся очень близко, почти прижимаясь друг к другу), матчиш занимал в бразильской салонной жизни то же место, какое в Европе занимал фокстрот. Музыка для матчиша происходит из афробразильской культуры: вероятно, его придумали привезенные из Мозамбика рабы. В начале XX века матчиш быстро распространяется по миру, его танцуют и в Европе. Одна из самых распространенных мелодий, под которую его танцевали, называется «Собиратель джекфрукта» («Corta Jaca», читаем «кóрта-жа́ка»); ее написала Шикинья Гонзага (полное имя Франсиска Эдвижис Невис Гонзага, 1847–1935) для оперетты «Зизи́нья-матчиш» («Zizinha Maxixe», 1895).

Карлус Гомес (1836–1896) – бразильский оперный композитор, автор опер «Гуарани» («Il Guarany», по роману Жозе ди Аленкара о любви индейца и дочери фазендейру), «Фоска» («Fosca» – о любви пиратки к венецианскому капитану) и «Кондор» («Condor», впоследствии название было изменено на «Одалея» («Odalea») – о том, как самаркандская царица Одалея познаёт любовь). Его оперы ставили в Ла Скала с итальянским либретто. Никакого «похищения сабинянок» Гомес, конечно же, не писал; этот сюжет больше ассоциируется с живописью: согласно легенде, еще при Ромуле римляне похитили женщин из племени сабинов, чтобы вступить с ними в брак и заселить новые земли. Тема близка Мирамару и, конечно, Освалду ди Андради, который привез

из Европы в Бразилию как минимум двух жен и нескольких любовниц. Таким образом, «пианистический» друг Мирамара и любитель парижских мидинеток сам становится Карлусом Гомесом – бразильским музыкальным Энеем, соблазняющим европейских Дидон одну за другой. Сам Карлус Гомес уже известным молодым пианистом по рекомендации императрицы Терезы Кристины (1822–1889), итальянки по рождению, в 1863 году отправился в Италию учиться музыке.

Айседора Дункан (1877–1927) – всемирно известная американская танцовщица, знакомая многим из нас со школьных времен как муза и жена (1922–1923) Сергея Есенина, а также основоположница современного танца.

Джаз – во времена Мирамара (до 1923 года) Луи Армстронг и Дюк Эллингтон были еще молодыми парнями, только начинавшими свою карьеру. Скорее всего, Жуан Мирамар водил юную Мадо на выступления других стремительно набиравших популярность джаз-бандов. Очень вероятно, что они бывали на Монмартре в открывшемся 10 января 1922 года кабаре «Бык на крыше» (*франц.* Le Voeuf sur le toit). Заведение получило свое название в честь одноименной песни, популярной в то время в Бразилии (*порт.* O Voi no Telhado); французский композитор Дариус Мийо (1892–1974) с группой «Шестерка» (*франц.* Groupe des Six) сочинил на ее основе балет, который немедленно возымел огромный успех. В «Быке» наши герои могли познакомиться с самим Мийо, Жаном Кокто, Франсисом Пуленком и дру-

гими парижскими авангардными музыкантами. В 1922 году в Париже выступал бразильский ансамбль «Восемь палочек» (*порт.* Oito Batutas), в котором, среди прочих, выступали знаменитый Пишингинья (Алфреду да Роша Виана Филью, 1897–1973) и автор оригинального «Быка» Зэ Боядейру (Жозе Монтейру, точные годы жизни неизвестны, поскольку о нем забыли даже товарищи по ансамблю).

Шимми (*англ.* shimmy) – танец, впервые официально зарегистрированный в 1917 году (то есть история Жуана Мирамара, скорее всего, (не) заканчивается в 1923 году, повторяя историю Освальда ди Андради). Классический шимми – это комплекс танцевальных движений, основанный на попеременном вынесении плеч вперед при сохранении прямой осанки; но в 1910-е годы танец представлял собой беспорядочное потрясывание туловищем, из-за чего многие считали его вульгарным.

«Молитва девы» (*франц.* «La prière d'une vierge», *польск.* «Modlitwa dziewicy») – короткая пьеса для фортепиано авторства польки Теклы Бондажевской-Барановской (1823–1861), спокойная сентиментальная композиция, считающаяся подходящей для обучения игре на инструменте.

Фокстрот «Саломея» – «восточный фокстрот» авторства австрийского композитора Роберта Элизабет Штольца (1880–1975), написанный в 1920 году. Бодрая, маршевая композиция, совсем не похожая на «Молитву девы». Упоминание Саломеи как метафорического персонажа встречает-

ся на страницах «Воспоминаний» несколько раз; возможно, в этом следует видеть намек не только на страстный танец, но и на ужасную плату за него – сравнивая возлюбленную с Саломеей, рассказчик делает ей колкий упрек.

«Музыкальные моменты» Шуберта – цикл небольших пьес для фортепиано (D. 780, op. 94) австрийца Франца Шуберта (1797–1828).

«Yes, We Have No Bananas» («Да, у нас нет бананов») – песня Фрэнка Сильвера (настоящая фамилия Сильверштадт, 1892–1960) и Ирвина Кона (1898–1961), впервые исполненная в марте 1923-го, главный хит того года в США. По сути, анекдот о греческом торговце, в лавке которого есть всё, что душа пожелает... кроме бананов!

Итальянский тенор **Алессандро Бончи** (1870–1940) действительно как минимум с 1913 года пел «Фауста» Шарля Гуно (1818–1893). Бончи сотрудничал с Ла Скала, Манхэттен-оперой, выходил на сцену Метрополитен-оперы и Чикагского оперного театра.

Откровенные парижские танцы – имеется в виду **ява** (*франц.* java), откровенный (для своего времени) французский парный салонный танец, подразумевающий близкий телесный контакт с партнером.

Мэй Мюррей (настоящее имя Мэри Адриэнн Кёниг, 1885–1965) – американская актриса, танцовщица и сценаристка, звезда немого кино. В 1922 году исполнила главную роль в фильме «Роза Бродвея», а в 1923 снялась в «Джазма-

нии». Сценарии обоих фильмов были написаны Эдмундом Голдингом специально для Мюррей.

Бибби Даниелс (настоящее имя Филлис Вирджиния Даниелс, 1901–1971) – американская актриса, танцовщица и певица. Первой ее ролью стала роль Дороти в немой экранизации «Чудесного волшебника страны Оз» (1910); с 1914 года она играла в коротких комедийных фильмах в паре с Гарольдом Ллойдом; в 1922 году исполнила главную роль в немом вестерне «К северу от Рио-Гранде».

«Лейтенанты дьявола» (*порт.* Tenentes do Diabo) – карнавальное общество из Рио-же-Жанейро, основанное в 1855 году под названием «Карнавальные зуавы» (*порт.* Zuavos Carnavalescos). Успех «Лейтенантов» привел к возникновению еще одного карнавального общества с таким же названием во Флорианополисе (столица штата Санта-Катарина). Карнавал в Рио в 1910–1920 годы уже был похож на современный: по улицам шли ансамбли, играли на инструментах, пели песни, танцевали, осыпали друг друга и прохожих конфетти и поливали «карнавальными духами» (сейчас это запрещенная субстанция).

Пасодобль (*исп.* paso doble, дословно «двойной шаг») – изначально традиционный испанский танец, особенно ассоциирующийся с корридой. В Аргентине в XX веке появилась особая разновидность пасодобля, исполнявшаяся наравне с танго (пел пасодобль и легендарный Карлос Гардель). В отличие от чувственного, эмоционального танго, пасодобль стро-

ится на легкой маршевой мелодии, сохраняющей характерную для Испании мелодику. Танцевальные движения энергичные, бодрые, партнеры находятся в тесном контакте.

В завершение я как переводчик хотел бы навести мостик между Бразилией (где много донов Жуанов) и Россией. Пусть этим мостиком послужит **Александр Вертинский**. К этой книге отлично подойдут его песни «Танго „Магнолия“» («В бананово-лимонном Сингапуре», 1931), «Рафинированная женщина» (1933), «Без женщин» (1940) и «Испано-Суиза» (1928).

Владимир Култыгин

Сентиментальные мемуары Жуана Мирамара

Тарсиле ду Амарал и Паулу Праду посвящается

Попытка предисловия

*И новым крыльям
Придам я новой силы для полета,
В который увлеку однажды Вас.*

«Уругвай» Базилиу да Гама¹

*А если вам кажется, что речь моя туманна, не
корите меня за это, ибо времена нынче темные;
зажгите светильник в разуме своем...*

«Искусство красть»²

Жуан Мирамар на время покидает журналистику, дабы

¹ «Уругвай» – эпическая поэма португальско-бразильского поэта Жозе Базилиу да Гамы, вышедшая в свет в 1769 году. – *Здесь и далее примеч. пер. и ред.*

² Анонимный португальский трактат, авторство которого приписывают иезуиту Мануэлу да Коште (1601–1667) и в котором описываются различные способы воровства и коррупции, с тем чтобы предостеречь как короля, так и простых граждан от ошибок и излишней доверчивости.

вступить как истинный представитель новой эпохи на тернистую стезю литературы. Он предстает пред нами стихийным, а стало быть, непредсказуемым и, быть может, для кого-то даже шокирующим продуктом неустрашимой эры перемен. Подобно танкам, аэропланам-бомбардировщикам над съжившимися от ужаса городами, удушающим газам и смертоносным минам, стиль и личность его есть порождение хаотичной разноголосицы горнов войны.

Ибо я не перестану называть войной всю эту эпоху, связавшую в тугой узел небывалые ценности и грандиозные битвы и оставившую нам в наследство по ту сторону Атлантики первые героические бомбарды кровавой европейской бойни.

Знаменитый Версальский договор, положивший конец ницшеанскому безумию тевтонских воинов, был не более чем минутой покоя на целый час кровопролития. После его заключения мы наблюдаем естественное извержение всех социальных конвульсий. Пуанкаре, Артур Бернардес³, Ленин, Муссолини и Кемаль-паша прокладывают дорогу в направлениях, немыслимых ранее для грандиозного кодекса существования народов, на фоне идеалистического банкротства Вильсона и багровой агонии синдикализма. Кто мог предвидеть Рур? Кто мог предвидеть испанский «пронунсиамьенто»⁴? А крах Ллойда Джорджа? А беспроводной теле-

³ Артур да Силва Бернардес (1875–1955) – 12-й президент Бразилии (1922–1926).

⁴ Пронунсиамьенто, то есть военный переворот, возглавляемый генералом Ми-

фон?

Поэтому вполне логично, что стиль писателей должен идти нога в ногу с эмоциональным развитием человеческих устремлений. Пусть на моем внутреннем форуме старинный, врожденный сентиментализм еще внемлет ласкающему уху александрийскому стиху Билака и Висенти ди Карвалью⁵, но я не могу не признать священное право на нововведения, даже если они угрожают рукою Геркулеса разломать на части золото, сцементированное парнасским веком. VAE VICTIS!⁶

Дождемся же спокойно плодов этой новой революции, являющей нам впервые телеграфный стиль и разящую метафору. С мрачного времени капитанств⁷ Бразилия существует на осадном положении. Мы феодалы, мы фашисты, мы мстители. Никакая иная историческая эпоха не была столь благоприятна для того, чтобы наконец и нам исполнить свою партию в хоре наций, поскольку мы живем в эпоху, когда

гелем Примо-де-Риверой, произошел в Испании 3 сентября 1923 года при поддержке короля. Был распущен парламент, введена цензура и личная диктатура Примо-де-Риверы.

⁵ Олаву Билак (1865–1918) – бразильский поэт и журналист, «принц бразильских поэтов», ведущий представитель Парнасской школы в этой стране. Висенти ди Карвалью (1866–1924) – бразильский поэт, защитник классического стиля.

⁶ Горе побежденным! (*лат.*) Согласно легенде, эти слова произнес вождь галлов Бренн, захвативший Рим в 390 году до н. э.

⁷ Капитанство (*порт.* capitania) – территориальная единица колониальной Бразилии (XVI век) до перехода на систему штатов. Капитанства были наследственными владениями, пожалованными королем своим дворянам, которые обладали на их территории неограниченной властью.

хор этот поет нестройно. Бразилия, расположенная в Америке, на континенте, где зародились механические и коллективистские идеи литературного и художественного модерна, – страна благодатная и современная. Наша природа, как и наш флаг, являющий собою сочетание сизой Зелени и шафранного Золота, склонна к ослепительному буйству цвета. Справедливо будет, если и наше искусство возжелает того же.

Что до глоттики Жуана Мирамара, я – за исключением некоторых прискорбных чрезмерностей – признаю за ней право на существование, хоть сам не использую и не рекомендую другим. Таков будет бразильский язык XXI века? Именно этот довод приводил в ответ на мои критические замечания сам автор. Как бы то ни было, усилия по формированию модернистского языка, порожденного смешиванием португальского с заимствованиями из других языков, что иммигрировали к нам, и при этом парадоксальным образом стремящегося к по-латински простой структуре, не лишены оригинальности и интереса. У меня остается лишь одна справедливая претензия – к нарушению общепринятых правил пунктуации, каковое влечет за собой прискорбные недоразумения, хоть и, несомненно, заставляет ощутить «грандиозность фразы», как говорит Мирамар *pro domo sua*⁸.

«Сентиментальные мемуары» – стоит ли отрицать? – есть живая картина нашего общественного механизма, который

⁸ В защиту своего дома (*лат.*). В переносном смысле употребляется в значении «в защиту своей позиции», «в своих интересах».

начинающий романист с отважной уверенностью специалиста, проникшего в тайны бессознательного людских сословий, стремится вскрыть своим скальпелем.

Помимо того, в этой новой книге содержится серьезная работа по «возвращению к материалу»⁹ – весьма современная тенденция, которую можно наблюдать на парижском Осеннем салоне.

Жаль, что близоруким и провинциальным умам так тяжело расшифровывать стиль, которым написано столь злободневное и язвительное сатирическое эссе.

Машаду Пенумбра

⁹ Возвращение к материалу – один из ключевых принципов авангардизма. Он означает отказ от иллюзий. Авангардисты считают, что каждый материал (дерево, металл, холст) обладает уникальным значением и природной ценностью, так что маскировать его и украшать чем бы то ни было не имеет смысла.

1 Pensieroso¹⁰

Разочарованный сад¹¹.

Уроки и процессии с балдахинами.

И каноники

Там за окном

Бродячий цирк без чудес

Свист городских переполненными ночами

Мама звала меня и вела к домашнему алтарю и велела
склеить ладошки.

– Ангел Господень сказал Марии, что она будет мамой Бо-
га

Пузатый фитиль колыхался в масле в стакане. Краснел за-
бытый манекен.

– Господь с тобой, благословенна ты между женами, у
женщин нет ног, они как мамин манекен до самого низу. За-
чем им ноги, аминь.

¹⁰ Задумчивый (*итал.*). Намек на поэму Джона Мильтона «П Penseroso», герой которой ищет уединения в садах для возвышенных размышлений.

¹¹ Выпад в адрес португальского поэта-символиста Эужениу ди Каштру, воспевавшего «зачарованные сады».

2 Эдем

Город Сан-Паулу что в Южной Америке не был книгой с диковинными зверями и историческими тварями на обложке

А всего-то летними вечерами скрипели на скрипках сверчки под крики непобедимого Сан-Бенту¹² да разворачивали летное поле свирепые тараканы из столовой.

¹² Игра слов: Святой Бенедикт, основатель монашеского ордена бенедиктинцев, и футбольный клуб «Сан-Бенту» (São Bento).

3 Станция бесконечность

Папа лежал больной и приезжала машина и человек и машина ждала в саду.

Меня отвели в старый дом где делали сладкое а потом мы перешли в заднюю комнату со смоковницей в окне.

Ужин рухнул когда мамин голос весь черный пришел за мной и позвал молиться Ангелусу который забрал моего отца.

4 Те кто ворует детей

Цирк горящий шар с музыкой и пирожными на входе.

Канатоходцы кони клоуны разматывали смеховые вывихи
перед моим деревянным троном с людьми вокруг

Мне очень понравилась Страна Гойябады¹³ и еще я завидовал тем у кого хватило наглости дать украсть себя цыганам.

¹³ Гойябада (*порт.* goiabada) – бразильский десерт из гуавы, похожий на мармелад.

5 Опасность оружия

Я пошел в школу совместного обучения доны Матилды.

Она дала мне книжку с сотней картинок чтобы я рассказал маме историю короля Карла Великого.

Роланд в битве проткнул неистойвой палкой несчастную десну мальчика Манеку сына из лавки на углу и мама бросила мой Дюрандаль в печку.

6 Мария да Глория¹⁴

Негритянка совсем крохотная а весит как кандалы. Сидит на и зонтик.

Механизм ног под столетней юбкой раскручивался от медленного дома к школе белым утром и синим вечером.

А впереди шел размахивая портфелем мимо дверей фонарей маленький я.

¹⁴ Мария да Глория, или Мария II (1819–1853) – королева Португалии (1826–1828) и Алгарве (1834–1853). Мирамар, очевидно, намекает на эпитеты Марии II «Воспитательница» и «Матушка» (a Educadora, Boa Mãe); эти эпитеты связаны с тем, что за короткое время королева родила 11 детей и скончалась во время очередных тяжелых родов. Период правления Марии да Глории – весьма бурное время в истории Португалии, связанное с гражданской войной и серией восстаний. Точно так же звали чернокожую няню Мирамара.

7 Счастье

Великий воин Наполеон с которым Мария да Глория познакомилась в Пернамбуку сказал что самый счастливый день в его жизни это когда я принял первое причастие.

8 Во фраке атеиста

Я ушел от доны Матилды потому что неприлично здоровенному дылде сидеть в одном классе с девчонками.

Меня записали в образцовую школу где на стенах вереницами картины лестницы белоснежные и пахнет чистотой.

Худенькая учительница и веселая перемена после обеда урок начали проволочные усы учителя сеньора Карвалью.

В тиктакающей тишине столовой я сообщил маме что Бога нет а Бог это природа.

Сеньора Карвалью я больше никогда не видел он отправился в Ад.

9 Печенье «Мария»

Дни я проводил в фиолетовой зале месть Фиоле. Он никогда не открывал окно на улицу но было четыре часа из-за соседней школы откуда мальчишки шли мимо болтая и играя в монетки-шарики.

Тут внутри швейная машинка отправлялась от станции.

В покинутой учителем комнате занималась заря.

Это из-за Мадо в носочках в короткой юбке ведущей за мягкую ручку последнего отпрыска семьи Фиоле. Она улыбалась и изучала мои книги рисунки карты секретного мира.

Малыш отрывал ладошку от рассеянной руки и устраивал научный забег вокруг кресла с криками волоски! образцы!

Она была потоком кружевных рукавов и открытых ног в светлом пуху.

Они удалялись неспешной процессией. Вдали швейная машинка возвращалась на тихую станцию шитья.

10 Крутой вираж

Ничего из того что хотел сказать я так Мадо и не сказал.

Однажды удивленный я оказался в толпе возле их дома потому что учитель вдруг сделался мертвым почтальоном а в зале со свечами стоял убогий гроб.

Постаревшая вдова стала грудью-доской. А в углу Мадо проливала слезы об участи Магдалин.

11 Школа

Парни бесили белоснежные классы и безупречные коридоры устраивая шумную курилку на уроке рисования сеньора Пейшотиныю.

Краснолицый директор являлся из-под земли вслед за брюхом и сутаной.

И покровительственно и цинично симпатизировал мне рыжий Жозе Келинини.

12 Город рембо

Мама хотела чтобы я был первым учеником но на распахнутую эспланаду где гоняли мяч все остальные сыпалась жизнь звоном наковален и трамваев оконтуренная свистками и криками зазывал.

Школьный звонок бил гулким языком колокола.

Полуденный крик взрывал мыльный пузырь разлетающийся в створе ворот после последней удачной свечи.

И подтягивались опоздавшие становясь в строй придуманный для того чтобы я больше не ловил последние звуки города за строгими гримасами процессии надзирателей.

13 Переезд

Дома у тети Габриэлы мои книги поселили на диване напротив, чтобы мама могла смотреть за мной.

Семья родственников прибыла вечером с фазенды Новая Ломбардия с придирчивой гувернанткой и босыми прогулками загорелых кузин по системе Кнейппа. Черненькие слуги и служанки и другой вкус у масла.

14 Кузен

Мама часто разговаривала с тетей Габриэлой потому что они были вдовы. А Пантику тревожил мой покой малым возрастом и самодельными тележками для катания с горок. А еще он дружил с буфетчиком – добытчиком журналов из аптек.

15 Советы

В спальне заботливые нотации стремились помешать мне дружить с кузенком. Пантику не получил с малых лет приличного воспитания и поэтому обожает болтаться где попало. Что скажут люди нашего круга, если увидят вопиющие безобразия, которые вы творите, да еще и в компании прислуги? Водиться надо только со своими

От своих меня тошнило.

16 Институт ядовитых девиц Бутантан

Кузина Наир которая со щекастыми сестрами Селией и Котитой училась в другой школе написала Пантику такое письмо:

«Ты уже знаешь, что я в амарантовом классе? Здесь девочки не такие вредные, как в интернате мисс Писс. Но... таких цивилизованных нравов я никогда не видела. У них ведь нет мальчиков, и влюбляться не в кого – вот они друг в дружку и влюбляются. Говорят, у каждой есть жених – другая девочка: одна как будто мальчик, а другая – девочка.

А когда они встречаются, то целуются, как жених и невеста. Я совсем не хочу делать, как они, но так само получается. Девочки сейчас уже не то, что раньше. Скоро от рождения будут всё знать. Шестилетняя девочка уже не невинна; с малых лет они умеют так глазки строить, что это уже не шалости.

Я начала познавать жизнь только в десять лет. А эти уже в семь всё знают!».

17 Вот, к примеру

Жозе Келинини клал с прибором на теории моей матери. Он был отпетый, но скупал килограммами признание одноклассников. Сын розничных круп, он звенел монетами в бездонных карманах, и хилые отпрыски аристократии, поджав хвост, с ангельским молчанием терпели его утмиряющие оплеухи.

Пита, главный отличник класса, суфлировал ему на латыни и английском.

А после уроков длинноногие носы с книжками под мышкой, столпившись, ждали его в переулке напротив металлического прицепа с мороженым.

18 Хроника

Как-то дымно-сигаретным лохматым вечером Густаву Далберт сказал мне, что искусство – всё, а жизнь – ничто. Он был музыкантом, мы собирались с ним жить в Париже – он и я, его друг, молодой поэт Жуан Мирамар.

По соседству был еще один артист, баритон Бандейринья¹⁵, ну и всякие городские поэты.

¹⁵ Уменьшительные суффиксы *–инья* (*–инью*) в романе часто присоединяются к фамилиям (Бандейринья, Бритинью) и к именам (Жуанзинью). Фамилия «баритона» на самом деле Бандейра. Возможно, автор имеет в виду своего друга, поэта Мануэла Бандейру.

19 Велосипед Онана

Из поселка Иссохшие Воды, где под сладостной сенью дальних родственников Пантику отбывал каникулярную ссылку, мне пришло от него послание:

«Я отправил матушке два письма, думал, что они дошли бы поскорее, но они еще не дошли.

У меня здесь нет никаких развлечений. Река очень опасная и маленькая. И ребят нет. Целый день проходит, как на фазенде, где заняться было нечем, кроме непристойностей. Если матушка не пришлет велосипед, как я ее просил, я снова возьмусь за старое».

20 Сенсационный разворот

Нас пачками по двое-трое выпускали ворота школы, куда мы явились на заключительный урок всего многолетнего курса.

Поэт и мизантроп сеньор Мадурейра попрощался с нами речью. Мы отправлялись на встречу с жизнью, иными словами, вступали на путь, на котором нас ждали зияющие бездны, скрытые от глаз нежными лепестками цветов.

В углу сан-паульского Треугольника¹⁶ мы молча обнялись на прощание с Жозе Келинини, который решил посвятить себя коммерции.

¹⁶ Треугольник, или Исторический треугольник Сан-Паулу (*порт.* Triângulo Histórico de São Paulo) – исторический центр города Сан-Паулу, условно ограниченный улицами Либеру Бадарó, Бенжамена Констана и Боа-Виста; «вершины треугольника» – собор Сан-Паулу и площадь Сэ, площадь Сан-Бенту (Св. Бенедикта) и Патиу-ду-Колежиу (исторически первая постройка будущего города Сан-Паулу, в которой иезуиты учили местных жителей христианству).

21 Клака

Темный занавес обрамлял преддверье небес, на которых Жизела Дони должна была спеть «Долларовую принцессу»¹⁷, и абитюэ галерки рассаживались рядом с нами.

Постепенно подходили музыканты, и первые празднующиеся затыкали собой бреши в партере. Я тайно вожде-
лел Жизелу.

По лестницам взлетали путанные гаммы флейт и пилика-
нье настраиваемых скрипок. Партер собирал публику для
моей любви.

И когда ложи, ладони и лорнеты потянули маэстро за фал-
ды, партитура шумно швырнула в тишину дирижерскую па-
лочку.

¹⁷ «Долларовая принцесса» (нем. «Die Dollarprinzessin») – знаменитая оперетта венского композитора Лео Фалля, премьера которой состоялась в 1907 году.

22 Масонство

Презрев городские блага, мы с Далбертом бродили куда глаза глядят и куда вело нас наше исключительное везение.

Улицы меблированные комнаты бары пустыри флюиды бунтарство адюльтеры восторги.

Остановка – в огромном синем доме, парящем над неокультуренной лилейной долиной Аньянгабау.

Корона Муниципального театра добавляла патетической черноты алым краскам ночных зорь.

Приходил тощий Жуан Жордан. Он был не художник, да и вообще никто, но в один прекрасный день раздобыл государственную стипендию на обучение живописи в Париже.

23 Хиромантия

Баритон Бандейра читал вирши Белмиру Браги¹⁸ и губил на корню надежды пойти в дипломатию и стать дипломатом. Однако морочил голову пророчествами отцу – ходячей плешивой грамматике.

Он читал нам стихи и говорил, что сторонник поэзии плебейской и примитивной, но преисполненной души. Перед этим он смотался на неделю к жиголеткам в пансион Жоржины в Сантусе.

Мы оставили его глубокой ночью и отправились в Неаполь ужинать обхарканной томатом и сыром пиццей, заливая ее вином, только что доставленным вечерним поездом из Казерты.

Открывала гиньоль сновидений шумная шарманка взрывами вальсов в звездном воздухе.

Потом сверху, из пансиона художников и артистов, начинали капать в пиццу глубокие капли Шопена.

¹⁸ Белмиру Феррейра Брага (1872–1937) – бразильский поэт, один из первых членов Бразильской академии литературы.

24 Гильотина

Направляемый критическим нервом д-ра Лимона Браву, я был вытолкнут машиной для смены декораций к самому сердцу Жизелы.

Немецкая бородка некоего медика церемонно целовала ручки актрискам. Засученные рукава и пожарные с кусками импрессионистского леса скатывали вниз веления небес, будто с вертикального пляжа.

Она швырнула свой адрес, словно мелочь нищему, в мое головосносное признание в любви.

25 Друг семьи

Жил в доме в пять этажей на улице Сан-Бенту. Я носил ему параллельными вечерами в угодливом велюровом жилете липкие от патоки газеты.

И зацелованная мать отпустила меня в Сантос посмотреть на отчаливающее море.

Рождество впервые вдали от дома падало на мою неприкаянную душу, а в утешение — только дарственная надпись с фотографией.

Расставание рассыпалось в пыль в темном коридоре между каютами.

26 Александр Великий

Вооруженный стипендией и тромбоном, Далберт отправлялся покорять Европу.

С неторопливой сигаретой мы спустились по кругам города и по крестам баров tête-à-tête с будущим.

Я видел, как он стоял между каким-то итальянцем и блондинистым кепи в промежутке между кранами с набережной, взметнувшими свои черные руки в знак прощания.

27 Каникулы

Декабрь родил прямо на сияющие от мастики полы в доме тети Габриэлы трех молоденьких кузин в респектабельных очках.

Пантику североамериканствовал.

А моя мать с кризом, окруженная врачами, прямо из койки распорядилась ускорить мое знакомство с миром через путешествие.

28 Уплывающий порт

Ровный строй цинковых ангаров под солнцем приклеил меня, как ярлык, к гомону докеров и зевак, ведь «Марта» должна была отчалить только тропической ночью.

День нырял с высоты в бледность, стекавшую по трамплинам холмов и старинного форта. Брутто-грузчики вереницей брели на корабль под тяжестью мешков.

Моряки из трюмов сложили мачты-краны. Невозмутимые офицеры напоминали запоздавшие плечи.

Тугое брюхо трапа извергло медлительных посетителей, а потом повисло вдоль шеренги белокурых матросов.

Группы теснились на неподвижном причале.

29 Утро в Рио

Дыра в душном пространстве каюты косморамила фрагменты побережья,

Сахарная Голова¹⁹ оказалась геометрической теоремой.

Пассажиры палубировали надлежащий экстаз от изрытого кратерами города.

«Марта» собиралась пройти Таможенный остров навывлет, ведь он был всего лишь белой глянцевой открыткой, но была взята на abordаж и пришвартована пиратами для погрузки и разгрузки.

¹⁹ Сахарная Голова, или Пан-ди-Асукар (*порт.* Pão de Açúcar) – гора над заливом Гуанабара, одна из главных достопримечательностей города Рио-де-Жанейро.

30 Каботаж

В следующий и в дальнейшие дни бразильское побережье любовалось цепями лысых патриотических гор.

За столами дамские наряды разбивались звоном красок, фанфарами лиц, беготней лакеев.

Одна итальянка высосала меня, как грог, своими застывшими глазами.

Звали ее Мадам де Севри.

Рябое лицо очкарика-аргентинца уравнивалось за моим столом чилийскими усами студента с Анд.

Беременные сеньоры тучнели в тесных клетках на юте. Мадемуазель Сара, напротив, была худой и девственной и по вечерам кудахтала в салоне у пианино под аккомпанемент бретёра-воздыхателя.

31 Новые широты

Подскок маяка – и бразильский берег канул в воду, как рыба. Море стелилось синей клеенкой. Одышливое солнце жгло небоскребы облаков.

Две точки измазали горизонт, искря издалека беспроволочными приветствиями.

Лукавые глаза путешественников давно отвлеклись от книг, полишинелями скорчившихся нынче в пустых шезлонгах.

Рыжие антенны капитана «Марты» зондировали возможность кораблекрушения в скалах мадам де Севри.

Вечером в зимнем саду устраивались вечеринки в сельском стиле, душой которых был услужливый и толстый бортовой врач.

Консул кайзера в Буэнос-Айресе путешествовал с целой толпой миссионеров.

И до долгих часов, когда юнги принимались таскать море ведрами на игровой стол, прилежно пьянствовали морщины англичанина *tour du monde*²⁰.

²⁰ Кругосветное путешествие (*франц.*). Здесь как определение: «кругосветный англичанин».

32 Рола

За белокурой головкой катился шар, весь в блестках. Шар покрикивал и звался Мадама Рокамбола.

В непреложные восемь часов являлись они для полезной дегустации в зал, где подавали завтрак. И Рола приносила на мой кинонебосвод неотвратимый вексель судьбы.

33 Парусник

День длился, потягивался в шезлонгах, дремал, прикорнув на юте до тех пор, пока фортепианная гамма не пробудила корабль к вечерней жизни,

Мадама Рокамбола мулатировала матчиш на морском дансинге.

Я забылся, глядя на небо и на дневную звезду, соленую после купания, пришедшую рассказать мне о том, как училась в интернате. Мне вспомнились дортуарные романы в школе кузин.

Однажды вечером я поцеловал ее с языком.

34 Тенерифе

«Марту» перед рассветом застопорили свистки из чужой кабины.

В космораме койки двойная линия огней отмеряла ритм колебаний Санта-Крус-де-Тенерифе. После десяти суток плавания земля встретила нас чернеющими человеческими как-делами.

Бинокли синтезировали спящий город, подчиняясь нашей спешке.

Проворный звон колокольчика ловко заякорил ночной корабль.

Прошли мимо морщины англичанина, и палуба расцвела каталогизированными головами.

Город целиком вставал из утра, встающего из моря.

А над граненым городом громоздились горы.

35 Суша

Жизнь на борту нарумянилась в предвкушении Барселонны.

Угаданная в тумане скала Гибралтара подарила осредиземноморевшим биноклям первые берега Европы.

И тень горы Монтжуик отметила огнями ту ночь, когда был разорван в клочья батистовый сад мадам де Севри.

Наше расставание я отвел на ужин с кальмарами по узким улочкам с высокими покосившимися домами, вставшими спиной к смеющимся Рамблам, полным каскеток и шалей.

36 Hotel de Russie

Придорожную закопченность первой группы и последующих групп серых домов поезд с презрением миновал вместе с рядами деревьев и рекламными надписями, торчащими вдоль путей, как часовые.

Рельсы закончились, и подземный вокзал Орсэ явил мне сухого, как хлыст в гетрах, Далберта.

Медлительность мокрых улиц огибала в такси безлистые изгибы Сены на пути к многолюдным постройкам.

А вечера следовали за арками улицы Риволи с Жаннами д'Арк на бесстрашных золотых жеребцах к далекому мечу Эйфелевой башни сквозь арсенал рюмок.

37 Мадо для начала

То была подрошенная дочка голубоглазого владельца ресторана.

Далекie родины зрели в зиме зала, как поздние овощи. И сумрак лестницы поднимался падениями на седьмой этаж.

Мы намечтали книгу путешествий.

38 Параллельно

Далберт умел заказывать гудрон-цитрон²¹ в барах с миди-неточными приключениями.

Свою постель он перенес в другое жилье, удрал к пианистическим излияниям и одиноким трубкам в зубах. Накарлусгомесил²² пять жирных актов «Похищения сабинянок».

И ходил на randevu с Сарой Бернар в бемольные часы Люксембургского сада.

²¹ Сленговое название популярного в Европе в начале прошлого века напитка на основе ликера «Пикон» с добавлением лимонного сиропа.

²² Антониу Карлус Гомес (1836–1896) – бразильский композитор, один из представителей романтизма.

39 Пиво

Пронзенная прозрачным утром Германия являла собой гортанную литографию, когда наши с Мадо сердца выгрузили в Мюнхене багаж.

Огромные стены давали пищу готическим порталам. Некий баварский принц прибыл ради того, чтобы жирные шеренги тротуаров урарили его карету, влекомую в народ крепкими увенчанными митрами конями.

И какой-то бард горланил меж бокбирами в гулком дыму валькирий.

40 Отбивная по-милански

Но в чистоте нищенствующего утра волынки явились под
окна особняков.

Милан предъявил неподвижные Альпы в росе.

41 Ватикан

Раффаэлло Санцио из Урбино

Много ветра

Много простыней

Хлещут подолом спортсмены-пророки

– Блаженный, блаженный монах²³

– Монахи на Пинчо²⁴

– В печку – шварк

– Дочь пекаря – Форнарина²⁵

– Мы все как один

Хочешь не хочешь а будем делать то что велит господин

– Всем писать картины под Рафаэля

И ветер подхватывает расфуфыренных Бернини к вежли-
вому восторгу паствы Томаса Кука²⁶

– It is very beautiful!

²³ Автор вписывает свои впечатления от Ватикана в контекст популярной бразильской детской игры (Bento que Bento – frade), суть которой в беспрекословном подчинении ведущему. Сначала дети повторяют за ведущим последние слова каждой реплики вступления, а потом бросаются выполнять его приказ.

²⁴ Один из римских холмов.

²⁵ Возлюбленная и модель Рафаэля.

²⁶ Томас Кук (1808–1892) – британский предприниматель. Прославился тем, что изобрел организованный туризм и в 1841 году открыл первое в истории туристическое агентство, известное как Thomas Cook Group и потерпевшее крах в сентябре 2019 года.

Но святой Франциск не поверил бы в нарядные преобразования.

42 Сорренто

Пузатые паруса цикады
Мглистые над везувийским морем
Сады ящерицы и золоченые дамы
Меж увитых лозами винограда аллеиных оград
Сытых фруктовых садов
Насекомые празднующие Пьедигротту²⁷
Пожирая спичечные коробки
Белые тригонометрии
На синем крепе неапольских вод
Далекий город застывший в сиесте
Меж упавшими с плеч шарфами
Наспех сшившими синий пепел гор

Старик-англичанин дремлет с открытым ртом – черным въездом в туннель под цивилизованными очками. Везувий ждет извергательного приказа от «Томаса Кука и Сына»

И женщина в желтом оповещает спортсмена в сорочке о том, что брак – это нерасторжимый контракт

²⁷ Веселый и шумный неаполитанский праздник с костюмированными шествиями, фейерверками, конкурсами песни и парадами повозок. Отмечается с 7 на 8 сентября.

43 Венеция

Беспечная новизна капала днями радости в непохожем на дожей городе.

Спустившись из гостиничного окна, удушье дворцов ползло под черным стеклянным циферблатом, отсчитывающим золотое время в сторону византийской площади.

Окруженная голубями Кампанила торчала бронзовым веретеном бом-бом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.